

Эта большая, почти трехметровая скульптура В. Маяковского — дипломная работа выпускника Тбилисской академии художеств Гурам Кирдзашия.

Молодой скульптор, с отличием защитив диплом, готовится к поступлению в аспирантуру Московской академии художеств.

В июле этого года исполняется 60 лет со дня рождения Владимира Маяковского. Создание памятника Маяковскому, намеченное решением Правительства еще в 1940 году, как и создание памятников другим писателям, недопустимо затягивается до сих пор. В значительной мере вина здесь лежит на руководстве Оргкомитета Союза советских художников, слишком равнодушно относящегося к выдающемуся таланту талантливых скульпторов.

В частности, например, работа Г. Кирдзашия даже не была выставлена для обсуждения на традиционной выставке дипломных работ выпускников художественных вузов 1952 года, хотя имела на это несомненное право. И это пример — далеко не единственный.

Не свидетельствуют ли подобные факты о неверном отношении к росту творческих кадров, о стремлении определенного круга лиц к монополии в области скульптуры? Было бы правильно изменить подобную ошибочную практику и впредь шире, с открытой душой привлекать свежие, талантливые молодые силы к работе над проектами памятников.

Новое на московской подземной дороге

В Москве на Покровском радиусе метро началось строительство новой станции «Первомайская». Она сооружается в поселке Измайлово, примерно в полутора километрах от существующей станции «Измайловская». Это будет замечательный подарок жителям обширной и быстро растущей части Сталинского района столицы, которые ездят до ближайшей станции метро пока на трамвае. Строительство намечено окончить в текущем году.

В беседе с корреспондентом «Литературной газеты» главный инженер проекта Г. Голомбик сообщил, что в отличие от существующих станций московского метро платформа «Первомайская» будет не подземной, а наземной.

Как известно, — сказал он, — Покровский радиус оканчивается сейчас станцией «Измайловская». Из этой подземной станции пути идут к Измайловскому депо, расположенному на поверхности. Новая станция приставляется непосредственно к данному депо.

Наземная линия ранее служила лишь для ввода поездов на ночь в депо. По этой же линии и двухпутному ответвлению от нее вагоны следуют на платформу «Первомайская» — в зал шириной около 12 метров. На московском метро, таким образом, появится первая наземная пассажирская линия. Платформа «Первомайская» станет конечной остановкой на Покровском радиусе метро.

После выхода из тоннеля наземная линия нигде не пересекается с дорогами; она не может служить помехой движению городского транспорта.

— Возможно ли сооружение наземных платформ на концах других радиусов метро?

— Сейчас еще рано отвечать на этот вопрос, — сказала тов. Голомбик. — Надо тщательно и всесторонне изучить опыт строительства и эксплуатации первой наземной платформы.

Холод на колесах

На подземных путях Брянского паровозостроительного завода стоят необычные вагоны, окрашенные в белый цвет.

— Вот это и есть наша новинка, — говорит главный конструктор завода А. Кузьмин, когда мы подходим ближе.

Бригады плотников и слесарей-монтажников заканчивают последние работы — устанавливают внутреннее оборудование и деревянные решетки. Машеры выводят на стенах вагонов заводские номера, а в верхней части стен крупными буквами — «Молочный».

Входя в вагон. Он оборудован внутри полками в несколько ярусов для установки молочных бидонов. В обычных вагонах-ледниках смесь льда и соли укладывается в решетчатые карманы на передней и задней стенках. Температуру внутри вагона можно довести до пяти градусов ниже нуля, но распределяется холод неравномерно: у стен со льдом — холоднее, посредине вагона — теплее. В новых вагонах лед находится наверху. Холодный воздух равномерно опускается книзу, а теплый — поднимается вверх, температура внутри вагона можно снизить до минус десяти градусов.

На соседнем вагоне другая надпись — «Фруктовый». В нем такая же система охлаждения, только внутреннее устройство приспособлено для размещения ящиков. В вагоне видим... печь. Для перевозки фруктов требуется от двух до десяти градусов тепла, а для бананов 14—18. Особое устройство печи и дает возможность в любое время года держать нужную температуру внутри вагона. В конце июня завод выпустит двадцать таких вагонов, оборудованных для перевозки фруктов, в частности бананов. Это — целый эшелон! Он пойдет испытательным рейсом на Дальний Восток.

— Ну, а здесь вы увидите совсем необычное оборудование, — сказал конструктор Кузьмин, когда мы подошли к вагону с надписью — «Живородный».

Внутри вагона размещены два железных бака на 24 кубометра воды — для перевозки восьми тонн живой рыбы. С помощью насосов вода в пути непрерывно циркулирует, обогащается кислородом. В таком вагоне живую рыбу можно перевозить до магазинов, а также для переселения ее в новые водоемы.

Брянский завод приступает к выпуску большого количества самых различных вагонов-ледников. Заказы на них растут.

П. МАКУРОВИЧЕНО,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»

БРЯНСК. (По телефону)

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 68 (3097)

Вторник, 9 июня 1953 г.

Цена 40 коп.

О НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ФИЛЬМЕ

В Москве, на Арбате, есть кинотеатр «Наука и знание». Из самого названия со всей очевидностью явствует, что такой кинотеатр создавался с тем, чтобы зритель мог увидеть на его экране фильмы, популярно рассказывающие о новых достижениях во всех отраслях современной науки, о непрерывном процессе беспрерывного расширения границ человеческого знания.

Вглянем, однако, на афиши, висевшие у входа в этот кинотеатр на протяжении первой недели июня. Они извещали, что большинство сеансов отведено фильму «Джамбул», который демонстрировался также на экранах других кинотеатров столицы, в том числе и по соседству с «Наукой и знанием», в кино «Художественный», что на Арбатской площади. На остальных — немногих — сеансах кинотеатр «Наука и знание» предлагал своим зрителям два хроникально-документальных фильма «Счастливые детство» и «Советское Приморье»...

Почему же кинотеатр, единственный в столице и один из очень немногих в стране, предназначенный для широкой пропаганды научных знаний средствами кинематографии, не выполняет своего прямого назначения?

Потому что научно-популярные фильмы у нас выпускаются слишком мало, причем хороших, обладающих точным адресом и верно решенных поставленных перед ними задач, — непроизводительно мало.

На первый взгляд, цифры противоречат такому утверждению. Существующая в Москве Студия научно-популярных фильмов выпустила в 1950 году 74 названия, в 1951 году — 82, в 1952 году — 81.

Но каталог выпущенных фильмов, так же как афиша кинотеатра «Наука и знание», неумолимо свидетельствует о том, что цифры эти не соответствуют реальному положению вещей.

Из 74 фильмов выпуска 1950 года — 44 представляют собою учебно-инструктивные фильмы, выпущенные по заказу различных организаций для узкой аудитории, изучающих ту или иную специальность. 21 фильм — это 12 номеров киножурнала «Наука и техника», пять номеров киножурнала «Новости сельского хозяйства» и четыре кинобюро «На стальных магистралях», выпускаемого для работников транспорта. Собственно научно-популярных фильмов выпущено в 1950 году всего девять. Из них шесть (каждый по две части) — вышедшие в прокат, показывающие различные уголки нашей Родины; два фильма (по одной части) посвящены творчеству художников и один фильм — истории авиации.

В 1951 году из 82 фильмов, выпущенных студией, к научно-популярным могут быть отнесены восемь. Три из них — вышедшие в четвертом квартале для экранов несколько картин художника И. Н. Крамского, пятый посвящен творчеству мастеров Малого театра; остальные три — полнометражные фильмы «Во льдах океана», «Повесть об охоте» и подтвердившая серьезной критике в партийной печати фильм «Человек идет по следу».

Из 81 фильма выпуска 1952 года научно-популярных было шесть — общий объем в девять частей. Это «Виктор Васнецов», «Художник Верещагин», «Бессовестная художественная выставка 1951 года», «Горные реки Кабарды», «Спутник на зинковке» и «Солнечное затмение 1952 года».

Легко убедиться, что даже и в этих скудных перечнях многие фильмы лишь с натяжкой могут быть отнесены к научно-популярному жанру. Столь же самоочевидно и тот вывод, что Студия научно-популярных фильмов от года к году выполняет свою основную задачу все хуже и хуже, сокращая количество тех фильмов, работа выпуска которых она в свое время и была создана. Наконец, каталог приводит еще и к третьему бесспорному выводу — о крайней тематической узости производственных планов студии, об отсутствии вкуса в разработке подлинной научно-популярной тематики во всей ее широте.

Не так давно в газете «Советское искусство» (№ 32 за 18 апреля 1953 года) была напечатана статья режиссера Студии научно-популярных фильмов А. и Е. Алексеевых. Эта статья была направлена против так называемых «биологических фильмов», поставленных в разные годы режиссерами А. Згуриди и Б. Долгих («Закон великой любви», «Сила жизни», «Лесная улыбка», «Во льдах океана» и др.). В этой статье много спорного, есть и прямо неверные положения, несправедливые упреки. Безосновательны, с научной точки зрения, упреки в антропоморфизме, преувеличенные обвинения режиссерам. Напомним та раздражающая приличность, с какой авторы статьи упрекали А. Згуриди в том, что, ставя фильм «В несклад Средней Азии», он показал преобразующую деятельность человека лишь в заключительной части. Композиция фильма не вызывает решительно никаких сомнений в закономерности такого построения. Большинство фильмов А. Згуриди и Б. Долгих талантливы, интересны по содержанию, хотя и в них есть свои недостатки, которые следует критиковать и творчески обсуждать. Беснаучно-популярной кинематография отнюдь не в том, что эти фильмы были поставлены. Беснаучно в том, что были поставлены только эти фильмы, что жизнь животных оказалась единственной отраслью знания, в которую вторглись объектив кинематографистов, работающих в научно-популярном кино.

Как режиссер А. Згуриди имеет полное право на творческие пристрастия к определенному жанру своего искусства, к определенной отрасли знания. Но как художественный руководитель студии он обязан заботиться о том, чтобы в стенах этой студии вырастало как можно больше молодых режиссеров, способных удовлетворить все

круг интересов советского зрителя, выходящих во многие и разные области науки. До сих пор такая забота о молодой режиссуре научно-популярного кино отсутствовала. Следует отметить, что и сам А. Згуриди не воспитал ни одного молодого режиссера, работающего в области биологического фильма.

Широкая популяризация науки — давняя и славная традиция великих русских ученых. «Наука должна идти со своего старого пьедестала и заговорить языком народа, то есть популярно!» — призывал К. А. Тимирязев. В речи об общественных задачах ученых общества он говорил: «Дело популяризации науки, должным образом понимаемое и руководимое людьми науки, представляет значение не только как средство для развития личности, — оно имеет и другое общественное значение, — одинаково важное для дальнейшего успеха как науки, так и самого общества. Привлекая все общество к живому участию в успехах знания, привлекая к нему умственные аппетиты, от которых, раз их усвоить, так же трудно отвыкнуть, как и от аппетита материальных, делая все общество участником своих интересов, призывая его делить с нею радости и горе, — наука приобретает в нем союзника, надежную опору дальнейшего развития».

Массовому читателю адресовал Б. А. Тимирязев свой классический труд «Жизнь растений». Для массового читателя писал академик С. Бавлов «Глаз и солнце». Автором целого ряда научно-популярных работ был замечательный энтомолог Д. Заболотный. К самой широкой аудитории обращался академик А. Ферсман со страниц «Занимательной минералогии» и «Воспоминаний о камне». Как увлекательнейший роман, читается книга академика Ю. Крачковского «Над арабскими рукописями». Ясно и доходчиво стремился рассказать народу о своей науке крупнейший наш археолог и астроном, металлург и конструктор новых машин, физиолог и химик. Много книг, широко популяризирующих передовые методы труда, написаны новаторами социалистической промышленности и сельского хозяйства. Есть у нас писатели — Н. Михайлов, М. Ильин, В. Сафонов, Г. Фиш, О. Нисаржевский и другие, работающие в жанре научно-художественной литературы.

О развитии и совершенствовании этого жанра действительно заботился А. М. Горький. Он составлял планы выпуска книг, которые последовательно и систематически помогали бы самым широким кругам читателей ориентироваться в различных областях знания. При этом он подчеркивал: «Науку и технику надо изображать не как склад готовых открытий и изобретений, а как арену борьбы, где конкретный живой человек преодолевает сопротивление материала и традиции».

Возможности кино в благородном и государственном-важном деле широкой популяризации научных знаний безграничны. Однако эти возможности до сих пор остаются неиспользованными. Одна из причин этого заключается в том, что работники, пришедшие в научно-популярную кинематографию, не сумели учесть и использовать богатый опыт, накопленный в этой области советской литературой.

Выступая в защиту того узкого круга тем, который утвердился в научно-популярной кинематографии, некоторые режиссеры и сценаристы говорят, будто фильмы о зверях и птицах — единственные, способные вызвать живой интерес широкой аудитории. Нет необходимости доказывать, насколько неправильно это мнение. Разве не следил зритель с интересом и волнением за кадрами фильма, в котором показана была работа академика В. Филатова, возвращающего людям зрение («Они видят вновь», режиссер Н. Грачев)? Разве не со скукой смотрит и слушает зритель «Повесть о жизни растений» (режиссер М. Карстин) или волнующий рассказ о замечательной победе человеческого гения в фильме «Первые крылья» (режиссер А. Гендельштейн)?

А ведь эти фильмы были лишь первыми шагами в серьезном освоении научной тематики. Шли эти очень нерешительные: три названных фильма сделаны тремя студиями за пять лет, причем последний из них выпущен три года тому назад!

Наука развивается в жестокой и непримиримой борьбе идей. Недаром П. П. Павлов говорил о «сшибке» материализма с идеализмом, повседневно происходящей в стенах его лабораторий. Ясное понимание боевого характера подлинно прогрессивной науки позволяет насыщать научно-популярные произведения волнующим драматизмом, возникающим не из надуманных «беллетристических» прикрас, но из действительной борьбы нового со старым во всех областях научной жизни.

Нам необходимы фильмы, которые пропагандировали бы последние достижения советской науки и техники, будили бы и великодушную мысль, воспитывали конструктивно-технические способности, широко распространяли опыт новаторов промышленности и сельского хозяйства, давая это увлекательно, на высоком уровне подлинного искусства, с глубоким знанием дела. В этом и заключается большая задача, для решения которой создана научно-популярная кинематография.

До сих пор эта задача решается неудовлетворительно.

Если у нас есть фильмы, затрагивающие отдельные проблемы той или иной науки, то фильмы, которые вводили бы зрителя в широкий круг знаний, используя при этом все арсенал образно-художественных средств, — фильмов о строении материи, о современной теории происхождения земли и т. д. и т. п. — у нас пока еще нет. Между тем должен быть создан фонд научно-художественных фильмов, знакомящих зрителя с основными отрасля-

ми знания на основе марксистско-ленинской диалектики. Не следует забывать, что в круг тем, составляющих этот фонд, могут и должны быть включены фильмы, экранизирующие также и тематику гуманитарных наук.

Для того, чтобы задачи, поставленные перед научно-популярной кинематографией, решались во всем их объеме, со всей ответственностью и на высоком идейно-художественном уровне, необходимо выйти из тесного круга существующих тем, установить тесный творческий контакт между работниками научно-популярной кинематографии и штабом советской науки, Академией наук СССР, и сообщая — с полным пониманием того, что это является важным общенародным делом, — наметить широкий последовательный план популяризации научных научно-технических проблем средствами кинематографии.

Наряду с привлечением к работе в научно-популярной кинематографии крупнейших советских ученых, к созданию сценариев следует привлечь и писателей, много лет успешно работающих на популяризации различных отраслей знания. Фактическое отсутствие научно-популярных фильмов, адресованных широкой аудитории зрителей, нередко скрывается за цифрами выпуска учебно-инструктивных фильмов, имеющих совершенно иное назначение и иной адрес. Планы производства таких фильмов должны быть строго разделены. Быть может, стоит подумать и об отделении студий, отвечающих за выпуск научно-популярных фильмов, и организаций, принимающих и выполняющих заказы на выпуск фильмов, предназначенных для учебных целей.

Наконец, важная проблема — организация проката научно-популярных фильмов.

Недавно читатель нашей газеты Н. Медведев из г. Куртамыш Бурганской области прислал в редакцию письмо. В журнале «Огонек» он прочитал статью о научно-популярных фильмах, явившуюся для него откровением. «Большую мою удивления, — пишет он, — из этой статьи я узнал, что на экраны выпущено много новых интересных картин, о которых мы, рядовые зрители кино, не имеем никакого понятия, так как их не ставят на киноэкраны. Не только я, но и все мы знакомые — любители кино ничего не знали о таких фильмах, как «Верленская», «Повесть об охоте», «От Араба до Каспия», «Славное море» и другие».

Даже и то немногое, что пока сделано научно-популярной кинематографией, так и не дошло до миллионов советских людей. Причина состоит в неумении организовать прокат этих фильмов.

Если взять каталог действующего фильмофонда Главкинопроката, то выясняется, что под рубрикой «научно-популярные фильмы» там, так же как и в плаках киностудий, объединены и научно-популярные фильмы и учебно-технические. Правда, для последних в каталоге существует особый раздел, но там повторяются названия тех же фильмов, что фигурировали в предыдущем разделе в качестве научно-популярных: «Индустриальные методы производства железобетонных работ», «Возделывание подсолнечника», «Отделка фасадов зданий», «Сборные перегородки в жилых домах», «Карбонырированные изделия» и т. д. и т. п. Именно такие фильмы, отнюдь не рассчитанные на массовую аудиторию, но дающие свое полезное дело в качестве учебного пособия, составляют подавляющую часть прокатного фонда. На складах они лежат мертвым грузом. Опыт показал, что если любой художественный фильм просматривают в среднем семнадцать миллионов зрителей, то каждый документальный и научно-популярный фильм смотрит всего лишь 600—700 тысяч человек по всей стране.

Широкий прокат документальных и научно-популярных фильмов составляет сейчас монополию специализированных кинотеатров, выделенных для этой цели. Такие театры существуют во всей нашей стране — на примере московского кинотеатра «Наука и знание», далеко не всегда занимающего своим прямым делом.

Клубам, Всесоюзному обществу по распространению политических и научных знаний и его отделениям на местах разрешено бесплатно демонстрировать научно-популярные и документальные фильмы в качестве сопровождения лекций, докладов, тематических вечеров. Однако делается это далеко не везде. Так, профсоюз, имеющий в своем распоряжении около десяти тысяч киноаппаратов, очень неохотно и неполно использует это свое право, сосредоточив все внимание на прокате художественных фильмов, приносящих доход.

Такой практика проката следует решительно положить конец. Сейчас необходимо вывести из складов и показать широкой аудитории все те хорошие научно-популярные фильмы, которые у нас есть. Когда же выпуск таких фильмов будет налажен, в каждом кинотеатре должно быть отведено определенное количество сеансов для демонстрации научно-популярных фильмов. Короткометражные научно-популярные картины наряду с документальными нужно включать в программу каждого сеанса и показывать зрителю перед демонстрацией художественных фильмов. Особое внимание соблюдению этого правила призваны уделять клубы.

Могущественная сила кинематографа в деле популяризации науки, техники, передового, новаторского опыта, достижений социалистического искусства должна быть использована до дна.

Научно-популярная кинематография не может существовать как искусство, где создается нечто для немногих. Она должна войти в народ как большой, любимый и талантливый наставник и друг.

НА СПОРТИВНЫЕ ТЕМЫ

БЕЗ СУЩЕСТВЕННЫХ ПЕРЕМЕН...

На центральном стадионе «Динамо» закончилась традиционная встреча легкоатлетов трех городов: Москвы, Ленинграда и Киева. В нем участвовали очень многие наши чемпионы и рекордсмены. Это была первая в 1953 году проба сил советских легкоатлетов. Героем соревнований оказался талантливый горьковский Александр Ануфриев, выступавший вне конкурса. Он стартовал на пять тысяч метров. Через три километра у него уже были шансы на установление мирового рекорда, и лишь отсутствие конкуренции (следующий за ним участник проиграл 30 секунд) не дало ему возможности на 0,6 секунды (каких-нибудь три метра!) дотянуться до мирового рекорда шведа Гундара Хагга. Новый рекорд Ануфриева — 13 минут 58,8 секунды. На следующий день неутомимый горьковчанин стартовал на 10 тысяч метров. И снова выдающийся результат — 29 минут 23,2 секунды, уступающий лишь мировому рекорду Эмита Затопека (Чехословакия), и снова у Ануфриева лишь два противника — длина беговой дорожки и секундомеры в руках судей.

Высоких достижений добились еще два участника этих состязаний. Киселатика (Нина Откатенко (Плетнева)) побила рекорд мира в беге на 800 метров, пробежав за 2 минуты 8,2 секунды, а молодой ленинградец Владимир Кузнецов метнул копье на 76 метров 20 сантиметров — новый рекорд СССР.

К сожалению, на этом и заканчивается список достижений. Только шестеро из участников выполнили нормы мастера спорта! Из 174 результатов лишь 88 соответствовали нормам первого разряда. И это на всеобщем соревновании лучших легкоатлетов! В чем здесь дело? Почему опять, как и всегда (дурная традиция!), низки результаты бегунов на дистанции от 200 до 1500 метров? Почему все так же несогласна для прыгунов двухметровая высота, все таким же событием являются прыжки в длину за семь метров, а рекорд СССР в метании диска для мужчин уступает мировому почти на пять метров? Почему?

Остановимся лишь на некоторых фактах. По официальным данным, в Москве около двух тысяч коллективов физической культуры не имеют спортивных секций по легкой атлетике. Легкой атлетикой занимается 55 тысяч человек. А спортивных разрядов имеют лишь 20 тысяч, причем нормы мастера спорта выданы всего 10 человек! Говорят, что мало у нас еще квалифицированных тренеров. Это верно, и этого за год не исправить. Но разве, например, не мог бы выполнять роль коллективного тренера спортивный журнал?

Для полноценного тренировка легкоатлетов нужны базы, инвентарь, а их не хватает. На первенство страны по легкой атлетике, проводившееся в Киеве, барьеры везли из Москвы. Совершенно не налажено производство металлических шестов для прыжков. Печальной традицией стало проводить состязания по метанию молота и диска на задворках стадионов, у забора, вдали от зрителей. Дело дошло до того, что недалеко на столичном стадионе ЦДСА метание молота было... отменено из-за отсутствия подложного места.

Мало проводится у нас состязаний. Тренеры нередко «охраивают» своих учеников от частых выступлений. Интересно, что когда Ануфриев на следующий день после рекордного бега на пятикилометровую дистанцию взял старт на десять километров, некоторые зрители, треметая, сидели на трибунах, чуть ли не осуждали его за «легкомыслие». Между тем опыт сильнейших легкоатлетов мира говорит о том, что успех приносит именно частые выступления в состязаниях. Легкоатлет начинает готовиться к сезону с декабря. Неужели в июне он не может быть в высшей спортивной форме? Неужели он тренируется полгода только ради двух-трех выступлений?

Много издавалось приказов о мерах по развитию легкой атлетики в стране. Против содержания этих приказов возражать нельзя. Но одним приказом легкую атлетику вперед не двинешь.

Г. КОРОБКОВ,
мастер спорта СССР

Беседы за столом

Ежедневный репортаж о первенстве Европы по баскетболу для газеты «Спортсмен популяр» велла Ангелина Розеану, заслуженный мастер спорта Румынской Народной Республики. Она четыре года подряд удерживает звание чемпионки мира по настольному теннису. Московские болельщики получили большое удовольствие, наблюдая за ее дружескими тренировочными встречами с нашими игроками. Встречи эти происходили по утрам — до начала баскетбольных соревнований, пока Розеану была свободна от своих журналистских обязанностей.

Розеану одинаково уверенно владеет нападениями и защитой, она играет не только стильно, но и сильно, не только изящно, но и умно, собранно, результативно. Экономная, четкая, свободная от суетливости и напряженности работа мастера своего дела — красивое зрелище в любом виде труда и в любом виде спорта.

Хрустящая на вид, маленькая женщина без «груди» доказала, что защита наших молодых перворазрядников Поздеева, Рабиновича, Жукова еще не обладает необходимой прочностью и липкостью. Справедливости ради следует сказать, что в Румынии мужчины не слишком успешно играют против Розеану. Однажды пришлось вручить ей приз, как чемпионку Бузестру... среди мужчин.

Разговор, который велся по утрам при помощи маленького белого мячика за окрашенным в зеленый цвет столом, вечерами переходил в обыкновенные застольные беседы. Обсуждались, конечно, секреты мастерства. Сколько лет Поздееву и Рабиновичу? спрашивала Розеану. — Каждому по двадцати. — А сколько лет они играют? — Один четыре года, другой — пять. — Вот и весь секрет! Поздно начали играть. Не приучились непрерывно двигаться — иногда чуть не на секунду застынут на месте. Нельзя же жалеть, что противник по телефону предупредит, в какой именно угол он намеревается пробить! Еще один секрет: слишком много отдыха на тренажерах, на старших товарищей. Спортсмен должен воспитывать в себе способность быстро принимать самостоятельные решения.

Розеану начал читать на обеденном столе, когда ей шел девятый год, причем ростом она была ниже стола. С двенадцати лет Ангелина выступала в соревнованиях; в тринадцать лет участвовала в первенстве Румынии, в четырнадцать — выиграла первенство страны в том же году впервые участвовала в первенстве мира. Но звание чемпионки мира она завоевала лишь после многих лет напряженного тренинга.

Слушая Розеану, можно было подумать, что в беседе не участвовали некоторые руководители Главного управления по физической культуре и спорту, в частности тов. Вересков. И вот почему. Летом 1952 года 15-летний Олег Кадиров в нарушение инструкции Всесоюзного комитета выиграл первенство Узбекистана. Его направили в составе команды на всесоюзные юношеские соревнования. Но тов. Вересков не разрешил Кадирову участвовать, поскольку последнему не исполнилось семнадцати лет. По инструкции о юношеских соревнованиях не положено, если младшие будут соревноваться со старшими в разных спортивных играх, и чего доброго, выигрывать у старших. Это педагогический каприз!

На итоговом совещании тренеры Москвы, Ленинграда и ряда республик в один голос говорили о том, что в 1953 году обязательно надо будет провести всеобщие соревнования по настольному теннису, так же как и в 1954 году. Но снова 15—16-летние юноши и девушки вычеркнуты из программы соревнований.

Юные теннисисты, пловцы, шахматисты, фигуристы и другие юные спортсмены не должны бы жалеть своего физического развития начальнику Главного управления по физической культуре и спорту тов. Верескову для того, чтобы проявить свои спортивные способности на всеобщей арене. Избыточное количество «инстанций» не приносит пользы не только в драматургии... Уставшие инструкции пора пересмотреть и освободить все союзные и республиканские спортивные организации от функций заочной опеки. Разрешение на участие в соревнованиях должны давать родители, хороший табель успеваемости, директор школы, наконец, тренер. Ни один возраст и ни один вид спорта не должны быть пассивным у работников спортивных организаций.

А. ВИНТЕР,
судья республиканской категории

СДЕЛАНО В МОСКВЕ

Не так давно московские гребцы отпраздновали радостное событие: на воду была спущена первая одиночка-«скиф» отечественного производства. Лодка была сделана в мастерской водной станции ВЦСПС, что расположена близ Каменного моста.

«Скиф» — остроносая, восьми-девятиметровой длины спортивная лодка, по форме напоминающая сигару, самая быстрая и самая легкая. Весит она всего 14—15 килограммов. Опытный гребец развевает на ней скорость, равную 17 километрам в час. Лодка типа «скиф» — не только самые быстрые лодки, но и самые хрупкие. Толщина их корпуса 1—1½ миллиметра, лодку легко проткнуть пальцем.

Давать «скиф» из особой породы красного дерева, которое растет в Бразилии. До недавнего времени такого типа лодки ввозились исключительно из-за границы.

В прошлом году в мастерской водной станции ВЦСПС решили сделать нашу советскую лодку «скиф» и обойтись при этом без импортного материала. За дело взялась группа опытных мастеров-краснодеревцев во главе с Г. Рабиновичем. На изготовление одиночки-«скифа» пошли особые сорта дерева, из которых обычно делают музыкальные инструменты, а также специальные фанеры. Мастера гребного спорта дали хорошую оценку новому гоночному судну.

Сейчас в той же мастерской строится еще несколько «скифов». Так доказано, что при желании и умении лодки-«скифы» можно производить и у нас. А это означает, что гребным спортом на «скифах» теперь сможет заниматься значительно большее число людей, чем раньше.

Е. СВИНОВ

Школа мастерства

Государственный драматический театр имени В. Кингисеппа впервые на эстонской сцене поставил «Любовь Яровая» К. Тренева — одно из классических произведений советской драматургии.

Постановка «Любовь Яровая» — экзамен на творческую зрелость. Пьеса требует большого режиссерского опыта, умения проникнуть в глубины идейного существа произведения, требует высокого исполнительского мастерства, стройности актерского ансамбля.

Постановщик И. Таммур правильно понял, что по-настоящему решить тему Любови Яровой — тему прихода демократической интеллигенции в революцию — можно, прежде всего показав революционный народ, отдельных его представителей, которые личным примером помогают Яровой разобраться в сложной для нее обстановке, найти правильный выход из возникшего противоречия между личным чувством и общественным долгом. Народ, отстаивающий молодую Советскую республику от нашествия интервентов и белогвардейского «стрелка», — вот, по существу, главный герой спектакля.

Деловито, без паники выполнял стратегический план партии, оставляя революционные бои город; они уверены, что уходят «на самое кратчайшее время». Решительно и энергично разворачивает свою деятельность большинство комсомолец, которым руководит комиссар Кошкин. Особенно хорошо это показано в сценах на городском бульваре. Мы видим, с какой настойчивостью и осторожностью подпольщики готовятся к решительному удару, как, используя все возможности и обстоятельства, они действуют, неутомимо и обдуманно действенно.

Мысль о единстве, неразрывной связи партии с народом особенно четко выражена в образе комиссара Кошкина (В. Ратасепп). Кошкин — человек из народа, долго живший в горькой неволе. Но партия указала ему новую дорогу, научила бороться за свое счастье, за счастье народа. И вот за эту единственную большую правду на земле Кошкин и вышел бороться «не на живот, а на смерть». Такая глупая обманка на прошлую драматическую жизнь звучит в голосе В. Ратасеппа, когда на слова профессора Горюнова (Х. Лаур): «Товарищ комиссар просветления, вы неграмотны...», он, вспыхнув, отвечает: «Как, неграмотный, когда я сам написал? Только не впопыхах». С ненавистью говорит он электро-технику Колосову (О. Эскела) о той неправде, которая прятается в барских хорах. С большой чуткостью и тактом Кошкин — Ратасепп, хорошо понимающий смысл внутренней борьбы, происходящей в душе у Яровой, поднимает в ней веру в себя, помогает выйти из этой борьбы победительницей. И глядя на этого вселяющего, резкого, но в то же время очень внимательного к людям человека, умеющего четко, без суеты решать важнейшие вопросы, выдвигаемые жизнью, быть непримиримым в выполнении директив партии, — зритель понимает, почему Кошкин так любит дружбу, товарищескую борьбу и так боится и ненавидит его враги революции.

Тем же горячим порывом к свету новой жизни, только порывом более непосредственным, охвачен образ Шванды в исполнении И. Таммура. Партия, революция широко открыла глаза на мир этому простому деревенскому парню из Курской губернии. И Шванда как-то сразу ощутила свое законное место в революционной борьбе. Одаренная натура, каких на русской земле всегда были тысячи и тысячи, — сердцем поняла Шванда великую идею освобождения пролетариата, безоговорочно поверла в нее, пошел за ней. И Таммур показывает, что Шванда не хвастает, когда говорит, что он, мол, «уполноне сознательный». Эти слова идут от большой внутренней убежденности, за ними стоит многое. «Семку ищи у белых,

а Гришка должен быть тут», — даст он крестьянке Марье точный совет, когда выясняется, что у сына Семки было «пятнадцать четвертей пшеницы одной» да «два работника до Покрова», а сын Гришка «в людях служил». Шванда любит прихвастнуть, любит показать свою компетентность во всем, что касается вопросов «мирового масштаба», но за этим зритель видит у И. Таммура не позу, а неуемное стремление проникнуть в грандиозность, в удивительную красоту окружающего мира, который «контра» пытается у него отнять.

Выразительные, яркие краски, которыми нарисованы в спектакле Кошкин, Шванда и другие представители революционного народа, ничуть не отодвигают на второй план ни темы Любови Яровой, ни самого образа. Напротив, это помогает зритель глубже понять сложность личной драмы, переживаемой Яровой, достоинство ее слова, заключающегося в следующем: «...я только с нынешнего дня верный товарищ».

Починала Яровая — А. Тальви кажется слишком лиричной, мягкой. Но вот от сцены сцены развивается образ, и перед зрителем предстает духовный мир знойной, мужественной натуры. Яровая — Тальви не умеет любить напополам. Любимый Михаила и потеряв его, она всей душой отдалась тому делу, за которое, как она думала, он боролся. И во времена внезапной встречи с мужем, оказавшимся в лагере белых, революционное сознание Любви одержало победу над ее чувством. Чувство это еще пытается тянуть ее назад, к прежнему отношению к мужу, которому она беззаветно верила. Но зная, что, живя с ним, она предавала революцию, она не могла иначе поступить.

К сожалению, другая исполнительница Яровой — Я. Рауэр с самого начала спектакля декларирует полный и безоговорочный разрыв с Яровой. Это обещает образ. Гораздо правильнее проводит Я. Рауэр сцену у школы, которая в ее исполнении является одной из лучших в спектакле. Увлечен рассказывая Яровой, поверив этому рассказу, Любви, оставшись одна, долго молчит. И столько неизъяснимой радости в ее сияющих глазах, в счастливой улыбке, во всем существе, что даже предстоящая встреча с подпольщиками на мгновение отходит для нее на второй план. И по-человечески это очень понятно. Два года ждала, страдала — мысленно похоронила, а сердце ждало, верило, что живой. Потом дождалась, да оказалось, не того, — чудного: предательство, подлость, предательство. Хотела было разругать все, что связывало с ним. И вот оказалось, что рубить совсем не нужно. Он снова тот, которому верила, — свой, дорогой, близкий. Как тут не загорятся глаза, как не прижать руки к груди, чтобы не выскочило наружу притаившееся от радости сердце.

Думается, что в процессе дальнейшей работы эта сцена может послужить Я. Рауэр ключом для более разностороннего раскрытия всего образа.

А. Эскела в роли поручика Ярового хорошо показывает фанатизм врага, ослепленного злобой, ненавидящего революцию.

С большой общительной силой выплывают Треневыми картины белогвардейского стана. И в спектакле очень четко ощущается та грань, которая разделяет защитников советской власти и ее врагов. Зритель видит всю пустоту белогвардейщины, ее внутреннюю гниль, разложение. Честолюбие, эгоистический расчет, возможность легкой наживы — вот что движет и Курюнов (А. Суурроп), и Малинин (Л. Рала), и всеми остальными «друзьями» контрреволюции. Циничная, нравственно опустошенная Панова (Л. Янилай) — по-

литной безысходности раскрывает то, что все эти «друзья» чувствуют, но не решаются высказать: «...эра мечте банк», — говорит она Яровому, — когда карта давно бита».

И все-таки в показе белогвардейцев в спектакле есть немало незаостренного, игрового. Опереточной в дурном смысле этого слова выглядит сцена бегства белых из города. Театрально нарочиты схватка белого патруля с подпольщиками (у школы) и конец сцены в кафе, когда из-за столиков, ни с того, ни с сего, вдруг выскакивают нелепые посетители и начинают отшвыривать какой-то неестественный танец. Режиссеру здесь изменяет чувство меры, да и исполнители, что называется, «пережидают». В постановке такой реалистической пьесы, как «Любовь Яровая», все это выглядит особенно неуместно.

Нам кажется также, что спектакль перегружен музыкальными вставками; во многих местах музыка утяжеляет спектакль, мешает зритель в перепадах между картинами сосредоточиться, осмыслить увиденное.

Театр долго не прекращал работы над своей постановкой: от спектакля в спектакль она росла. Это очень ценное качество, тем более, что работа театра над пьесой К. Тренева — его серьезная задача.

Л. ЮДАСИН

Возвращение к зрителю

В арсенале советской драматургии для детей есть пьеса, которая правдиво и интересно рассказывает о жизни деревенской школы. Это пьеса «Гимназисты» — выдающийся советский драматург Константин Тренев написал восемнадцать лет назад. До войны «Гимназисты» просматривали десятки тысяч школьников во многих детских театрах страны. И странно, почему так медленно возвращается на сцену пьеса, которая, повествуя о прошлом, устремлена в наше сегодня, пробуждает в юных советских гражданах высокие чувства патристической гордости за свою школу.

После многолетнего перерыва «Гимназисты» снова появились на сцене только в прошлом году. Начиная с этого времени в стране Ленинградский государственный театр юного зрителя. Спектакль ЛенТЮЗа убедительно показал, что пьеса выдержала проверку временем.

Несомненно треневских «Гимназистов» поставил Московский театр юного зрителя. Как и в «Любовь Яровая», так и в «Гимназистах» К. Тренев стремительно начинает действие пьесы. Московский ТЮЗ сумел передать в спектакле эти качества треневской драматургии. Зритель сразу же ощущает атмосферу революционного протеста.

1905 год. Губернский город накануне рабочей забастовки. Бухаринский выхрих и в нагую закурившие стены мужской и женской гимназий. Кружок учащихся старших классов собрался с революционными подпольем и протестует против оскорбляющего человеческого достоинства гимназического режима, против педагогической рутинки. В центре борьбы стоят «кухаркин сыны» Павел Воронин (Арт. В. Шугаев) и дочь полупризнанного запуганного чиновника Ольга Чернышкова (Арт. Р. Виноградова). На них и обрушивается жестокая кара гимназического начальства. Павел и Ольга, которых поддерживает молодая преподавательница Брагин (Арт. П. Гаврилин), исключают из гимназии. Павел и Брагин вынуждены скрываться от ареста. Но нескра зажегана, пламя вспыхнуло! И логическим завершением спектакля является финальная сцена, когда, поддержи-

вая забастовщиков рабочих, гимназисты по призыву Ольги: «Товарищи, на улицу!» — идут на демонстрацию... Режиссеру П. Цетнеровичу особенно удались опорные сцены спектакля, где участники гимназического кружка непосредственно сталкиваются с бездумным и перепуганным начальством, которое готово толкнуть своих питомцев даже на путь разврата, только бы увести их от «политики».

Характеры участников гимназического кружка раскрыты в спектакле убедительно и интересно. Живо и с большим юмором играет П. Богатырев изображающего, лукавого смельчака Жоржа Колосова. Зритель волнуется, что вместе с ним в кружок проникли и чужаки — сын председателя судебной палаты, «романтический» предатель Виктор Югов (Арт. В. Рождественский) и экальтерированный обывательница Дуся (Арт. Н. Паппе). Правдиво и остро рисуют Е. Васильев и Р. Быков очаровательного зубрилу Бученку и директорского сыночка — благонамеренного гимназиста Ныжкова.

Немало актерских удач и в исполнении «взрослых» ролей. Правдивый образ Чернышкова — забытого «человека двадцатого числа», рабствующего перед начальством, готового на любые унижения, только бы вывести в люди свою дочь Ольгу, создан одним из старейших деятелей советского театра для детей Н. Деревницким. Иначе Воронина тоже мечтает о счастливом будущем сына Павла, но ни за что не пойдет на сделки со своей совестью. Это убедительно и искренно показывает исполнительница роли Ворониной М. Зорника. Колоритны фигуры гимназических «экзотиков». Особо хочется отметить талантливо решенную М. Колесниковым роль инспектора гимназии Аламова — злобного карьериста, патологически ненавидящего своих воспитанников.

Много хорошего в спектакле. И закономерный горячий отклик, который он находит у школьников столицы. Исполнители, однако, полностью богатые возможности, заложенные в пьесе Тренева? Уверительно ответить на этот вопрос — трудно было бы, так как театр модернее услугу, создавать на меньшее, чем может сделать этот талантливый коллектив. Театр должен углубиться и многогранно раскрыть образы Брагина, Павла Воронина и Ольги Чернышковой, т. е. тех, кто являются полными героями пьесы, кому отдают свои горячие симпатии зрители. Пока же на долю исполнителей этих ролей пришлось только частные случаи, такие, как, например, нахождение подлинным драматическим сценам Ольги и Брагина в доме Чернышковой после покушения Ольги на самоубийство.

Почему это произошло? Потому ли, что драматург менее выразительно показал прогрессивный, передовой лагерь гимназической среды? Нет, на протяжении всей пьесы Брагин, Павел и Ольга активно действуют, борются, отстаивают свои убеждения. Их поступки движут сюжет, их язык выразителен и красочен, их столкновения с враждебным лагерем остры и непримиримы. Беда в другом: в том внешне монодраматическом «ключе», который определил исполнение этих ролей в спектакле. Из-за этого стерлись многие грани образов, измалычились характеры Павла, Ольги Чернышковой.

Задуманный мечтательностью, пламенностью страстностью, житейским юмором, долей своих героев К. Тренев. Вызвать к жизни эти человеческие свойства — долг коллектива, ищущего верными путями к созданию интересного спектакля.

Юные зрители благодарны театру за возвращение «Гимназистов» на сцену. Длительный и прочный должно быть это возвращение. И не в одном только московском ТЮЗе — пьеса должна увидеть зрители и других детских театров страны.

П. СОЛОДАРЬ

„ЧУК И ГЕК“

Рассказ Аркадия Гайдара «Чук и Гек» открывается фразой, простой и в то же время торжественной:

«Жил человек в лесу возле Синих гор...»

Так начинаются сказания, легенды, сказки. Но вслед за этим полудедажным зачином идет рассказ о самых обыкновенных ребятах — о Чуке и Гек, проводивших дни в непрерывных потасовках. Больше были они друг друга кулаками, но лучше всего боялись, что мама разведет по разным комнатам и разлучит их. Она из прака кончилась плачевно — в ходе сражения полетела за окно телеграмма от отца, что жил возле Синих гор. Чук и Гек ушли от мамы.

И когда они втроем поехали к Синим горам, к папе, оказалось, что его нет, — вместе с экспедицией он ушел далеко в тайгу. Они живут в глухом лесу, в сторожке... Возвращением отца и заканчивается история о Чуке и Гек.

Кочка читает рассказ, чувствуешь, что он написан человеком с душой поэта, написан в минуту радости и вдохновения, наполнен любви к родной огромной земле, раскинувшейся от Москвы до далеких Синих гор. Любовь эта открытая, веселая и чуть застенчивая. Она бьет высокопарными фразами, но дает себя знать в каждом слове. Рассказ о Чуке и Гек начинается не с Чука и Гека, а с Синих гор, с описания Москвы — города, «лучше которого и нет на свете». А в последних строках автор говорит о счастье честно жить, о счастье трудиться и крепко любить землю, которая является Советской страной.

Светлый взгляд на мир проникает в каждый эпизод рассказа. Гайдар учит своих маленьких героев и читателей смеяться, он как бы хочет сказать: в нашей стране ничего не надо бояться, бояться лишь одного — стать на путь неправды.

Гек забрался в чужое купе, и тут случилось нечто страшное: вместо белоснежного, круглоголового Чука на него глянуло сердитое, усталое, лицо какого-то дядьки. Но страшный дядя затем оказывается самым мирным и добродушным пассажиром.

В лесной избушке ребята показались грубым и неприятным старик-сторож. Но этот злой, неразговорчивый старик уходит на лыжах в дальний путь, чтобы сообщить начальнику экспедиции о том, что приехала его семья.

Так каждый раз рассказывается ребячий страх, и снова жизнь ублажает героям. Все эти эпизоды, происшествия, часто смешные, на первый взгляд даже не очень значительные, несут одну мысль — о том, что никогда не пропадет человек среди своих, советских людей, даже если этому человеку всего лишь несколько лет от роду.

Пожалуй, главное достоинство фильма в том, что автору сценария В. Шкловскому, постановщику И. Лукинскому, режиссеру М. Федорову, артистам Н. Комиссарову, В. Васильеву, Д. Павлову, М. Троицкому удалось воссоздать замечательную атмосферу гайдаровского рассказа. С первых же кадров в зале звучит и не затихает до самого конца смех — не потому только, что забавны проделки и приключения Чука и Гека, но потому, что все жизнерадостно, все весело в произведении Гайдара.

Очень хороши дети — Юра Чучунов и Андриана Чиликин, исполняющие роли Чука и Гека. Когда смотришь на них, кажется, что, полая в студию, они быстро освоились и просто начали играть, как играют дома: Чук прилепился мастерить кинжал из кухонного ножа, а Гек делает пику, до того креп-

Кадр из фильма

кую, что если бы чем-нибудь проколол шкуру медведя, а потом ткнуть этой пикой в сердце, то, конечно, медведь надох бы сразу. Но у Гайдара дети не только смеются, мигаются, спорят, путешествуют. В двух маленьких неразлучных друзьях-драчунах ясно намечены черты несхожих, по-разному складывающихся характеров.

Чук куда более практичен, чем Гек. Он очень запаслив и в своей злополучной рубашке, которую Гек выкинул в окно, хранит немало ценных вещей — от конфетных обертки до галчинских перьев. «Гек», — пишет Гайдар, — такой корыбчик не было. Да и вообще Гек был разный, но зато он умел петь песни».

В послед Чук сразу же засыпает, а Гек не может уснуть, глядя сквозь снежное зоркое стекло, видя огромную луку, и вот уже чудится ему, что поезд мчится по высоким горам, — оттуда до луны ближе.

Это различие характеров Чука и Гека, к сожалению, сглажено в картине. Некоторые происшествия, случившиеся с Геким, до конца не раскрыты. Например, рассказ о том, как Гек утратил свою важную вещь — много, представляется ему в фантастическом свете, он любит соняться, выдумывает, складывает стихи, петь песни. И не случайно, передавая сына Гека, Гайдар переходит на стихи.

А в фильме, когда все герои собираются на встречу Нового года, отец предлагает Геку спеть песню, и Гек поет. Это выглядит даже несколько неожиданно, как вставной вокальный номер.

Рассказ Гайдара поучителен, но мораль лишняя той тяжелой педагогической назидательности, которая всегда приводит к обратному результату, вызывает у ребенка чувство душевного противодействия. В конце рассказа писатель не счел нужным говорить о том, что Чук и Гек осознали свою вину, дали обещание никогда больше ничего не утаивать от родителей, шпелить телеграмм не терять и т. д. и т. п. Читатель же без того ясно, что все пережитое мальчиками оставило в их душе глубокий след.

Авторы фильма сочли необходимым поставить все точки над «и», точно сформулировать в конце моральный вывод. Чук и Гек торжественно обещают отцу никогда не повторять того, что случилось с телеграммой. Эта концовка выпадает из стиля произведения, нарушает ту хорошую непринужденность, естественность, с какой раскрывается замысел в рассказе и в картине.

Действие фильма разворачивается на фоне суровой северной природы, высоких гор, густого леса, снега, на котором отпечатались причудливые следы знакомых зверей и птиц. Эти кадры, умело снятые оператором Г. Гарибоном, — не самостоятельные «пейзажи», они пронизаны духом этого поэтического фильма.

«Чук и Гек» — веселая, увлекательная картина, ее с интересом смотрят наши зрители — большие и маленькие.

З. ПАПЕРНЫЙ

ВЕЧЕР В ЦЕНТРАЛЬНОМ ДОМЕ ЛИТЕРАТОРОВ

Вчера в Центральном Доме литераторов состоялся вечер, посвященный 75-летию со дня рождения К. А. Тренева. Вечер открыл Б. Лавренко. Е. Сурков в своем докладе охарактеризовал проникнутое светлым оптимизмом, патристическое творчество К. А. Тренева.

Затем состоялся концерт, в котором арти-

сты московских театров исполнили отрывки из его пьес: «На берегу Невы», «Любовь Яровая», «Полководец» и «Гимназисты».

В зале открыта выставка произведений К. А. Тренева, изданных на русском и иностранных языках. На стендах представлены многочисленные фотографии сцен из пьес драматурга.

Александр ДРОЗДОВ

Накануне

1. Радостно следить за работой Олеса Гончара в литературе. Каза-лось, давно ли, демобилизованный из армии, он впервые сел к столу, чтобы горячо и смело высказаться о войнах своего поколения? Имяно в те дни, вливающие светом Победы, появилась первая часть «Знаменосцев», произведения большого идейного воздействия. «Знаменосцы», написанные молодо, а местами незрело, в то же время говорили о том, что в литературу пришел самостоятельный и многообещающий талант. Эти надежды сбылись. Новые произведения Гончара, а особенно лирическая повесть «Микита Братусь», признаны как достижения не только творчески сложившегося писателя, но и всей нашей сложившейся поэзии.

Сейчас вышел новый небольшой томик — роман «Таврия», помеченный 1932 годом. По свидетельству украинской печати, он является началом серии романов, посвященных социальному труду украинского народа. События в романе разворачиваются в канун первой мировой войны: еще свежа в памяти народа трагедия на Лене, в индустриальных центрах империи назревают революционные выступления рабочих...

Гончар описывает милую его сердцу Украину. Подтапину, село Криничин. Каждую весну отправлялись кривячская гонимая на заработки. Ницкая из поколения в поколение, кривячские тянулись на юг, поскольку земля в руках кулака и помещика все больше становилась товаром, «машинкой для выкалывания денег», а у бедноты только и было товару, что сила их мышц. Классовое расслоение крестьянства создавало обширный, неисчерпаемый по людским ресурсам внутренний рынок для капитализма.

Данько и Вуея Ярецьки, Цымбал, Ганца Лавренко собираются в путь-дорогу. Издали манит их Хавковка — ярмарка батрацкого труда, на которой в этом году, по слухам, «за человека дают то, чего он стоит». Хавковка — ярмарка историческая. О ней упоминает Ленин («Развитие капитализма в России»), как о рабочем рынке.

Олесь Гончар, «Таврия». Радиский писатель, 1932 г. Перевод с украинского П. Вышеславского, Р. Скоморовского и Н. Стреловского.

где в свое время собиралось до 40.000 крестьян, продающих свой труд. Батрацкая ярмарка — один из действительно замечательных эпизодов в романе как по художественным достоинствам, так и по остроте анализа экономических отношений в крестьянстве. Картина ярмарки дает ключ к пониманию того, как определялось отношение Даньки к окружающему его миру.

Тысячи батраков раскинули свои шатры у Днепра. Излет арестный торг. Но характер торга стал уже иным, чем он был при отцах и дедах. Ленин в названной работе цитирует статью из «Сельского вестника» (1890 г.): «Один хозяин рассказывал, что (крестьяне) на базар нанимать рабочих... он стал ходить между их рядами и палькой опускывать их котомки (sic!); у которого хлеб есть, то с теми рабочими и не разговаривает, а уходит с базара» и ждал, пока «не охладит на базаре пшеницы копейки». В 1914 году уже другие порядки. Рабочий, но все чаще сельский пролетариат начинает перенимать у городского пролетариата его формы экономической борьбы. Атаман артели собираются на совет, чтобы сообща установить предельный уровень цен на батрацкие руки.

Данько вместе со своим кружком Валериком бродит по ярмарке. Что ни человек тут, то своя история жизни, вернее — история нужды, притеснений, беззакония и затасанных надежд на то, что инстинкты народные встанут на его защиту. Валерик — одноклассник Даньки, а у него уже сложилась своя история: в земской сельско-хозяйственной школе, под влиянием передовых учителей, он принимал участие в «политике»; начальство дозналось, и Валерик вылетел с вечным билетом. В мальчишеском живет естественная радость бытия, но действительность не успевает обогнать перед ним свои страшные звыи.

Нельзя не заметить, что, сжато написанной сценой: на солнышке, возле умирающей матери, сидит девочка, Стуча зубами, мать окликает проходящих:

«Она у меня такая работящая, — нежно рассказывает она девочку. — Настя скучает, за детьми не смотрит, заплатку ли поставит, — все умеет... Не смотрите, что она такая худенькая и будто слабенькая... Она у

меня шустрая, послушная, наймите, люди добрые...»

И падала в изнеможении, а через минуту снова с силой поднималась.

Казаюсь, и камень мог бы услышать эту материнскую предсмертную мольбу! — восклицает автор. Но мальчишки бесстыдны. Что делают? Ничего не могут сделать ни они, ни их старшие братья. Толпы батраков, кое-как ползая с гарбушками, разбрелся по экономиям и поместям, а у Днепра останутся свежесмытые могилы халмы.

Кричитانه попадают в «Аскании-Нова». Владения пахотных земель и пашенных земель, роскошный парк, диковинных зверей, сельскохозяйственных животных, орудий — немка София Фальцфельд. Ей наследуют сыновья: полурусский Густав и хитроумный Вольдемар, призывавшийся либералом, чтобы руками приказчиков и управителей выколачивать из батраков больше, чем это делала София собственными барскими руками. Выверенная потонная система, труд до обморока и бездельный озант посредной бездельной стипенди.

В тисках капитализированного хозяйства, в непосильном труде жер бы сломаться юный герой Гончара. Сколько саморынок из народа гибло в самодержавной России!

2. Данько не погиб потому, что в народе уже нарождались и действовали силы будущего, потому, что во главе революционного пролетариата стоял Ленин, потому, что трудный народ уже имел опыт этого года, батрацкая Пресни и пожары крестьянских востаний. Реакция не уйдя сознание масс. Наряду с пугающими впечатлениями, порожденными произволом, на душу Даньки, на душу Ганы, Цымбалы, Яши дождется высветления, рождение подпольем народного движения. Трудная река народного гнева. Отчаяние и надежда стояли рядом, и надежда побеждала, переходя в сознание собственной силы. В буре социальных противоречий формируется характер героев «Таврии».

На ярмарке Данько становится свидетелем сцены, разбудившей его сознание.

Базар арестовывает на паруснике правды. Вырывается из их рук, она кричит сгущившейся на берегу толпе: «На весь народ наш они хотят надеть намордники! Но не выйдет! Не уйдет! Вас много, вы — сила!» Эта идейно-ключевая сцена, данная через восприятие восторженного и потрясенного мальчика, у Гончара, к сожалению, слишком аффектирована: ночь, плещущие паруса, плавающие костры, свалка с жандармами при свете факелов...

В «Аскании-Нова» Данько сталкивается с людьми разных судеб и устремлений. Один из них — народные самородки, вроде земледельца Бахалова; ярче, и шире, и влохновенней написан Гончаром портрет солдата Мурашка, вышедшего из лагеря на свободу, освещенный в убеждении, что земля равно или можно будет принадлежать народу. Полный энтузиазма и веры, стараясь затронуть своим проектом местных землевладельцев, Птичню. Не тождество, он едет в Петербург. И тоже терпит поражение. И не сдается. Образ Мурашка, олицетворяющий в романе могучие творческие возможности народа, делает аскании для читателя, на какую силу народного гения опирались партии коммунистов, создавая государство Советов.

Данько встречает людей и другого склада, знающих верные пути к высшей цели неспешными народными путями. Это зоркий Бронников, посланный партией на полупрошлую работу среди крестьян, и большевик механик Приналов. Полноценная работа коммунистов приносит свои плоды. Зарождение обаяния стачки. Над батрацкой вилкой поднимается красное знамя — первые в этих степях после этого года. Прикрыл глаза ланью, смотрит на зная старый чабан Атаас, смотрит Ганца. Вуея, толпы батраков, расклеванных во всем угодьям «Аскании-Нова». Его видит Данько. В крестьянском хлопотке, воспринимая мир со всем пылом чистосердечной натуры, рождается человек будущего.

3. В своем неопытном народности литературы О. Гончар опирается на принципы Гоголя и Горького, они главные его наставники. Гончару кровно близка мысль Гоголя: поэт, описывая жизнь старостин мир, глядя на него глазами всего народа, так что естественно — как его кажется, будто это чувствует и говорит он сам. Горький, рассматривая вопросы искусства с марксистско-ленинских позиций, настойчиво внушает, что

основным организатором культуры является труд масс. Те произведения народные, которые, отражая человека в труде, воспитывают в народе его революционное правосознание. Легко видеть, как творческое освоение этих заветов отражено в идейно-художественном строе «Таврии». Что же касается слога, то Гоголь Гончару ближе. Держась гоголевской терминологии, «эзалишка» речи Гончара воспитана поэтикой «Таврии Вуды», «Вечером на хуторе близ Диканьки». Роман открывается и заканчивается картиной степи, над которой проносится черная буря. Буря — следя стихия, охватывающая которую призван народ. Непонятно, буря — социально-политический произвол, который не может не пасть во вале востановленного народа.

Маленькая пята (по-украински) ласт представление о поэтическом мастерстве Гончара, о музыке его слова:

«Ще зозюське жіноцтво оплакувало своїх загинбих чоловіків-рибаков, же закінчили чабани розшукували в степах свої розметчені бурю отари, — а всіма шляхами по свіжих сідках урагану, як чорні йогі яничари, ажю неслися в напрямі на Хавковку численні, по-армійському отянуті наймачі з поміщицьких економік та столичніських хуторів. З відведеном вилітали на вишетні тракти траціоні тарійські тачанки, розмалявані раці свята в червоній яблукі по чорному лаку. Як на свято, як на здобич, пошлінала зйідуєлу у Хавковку паураста степова хижачка».

Романтическое изображение Даньки, Мурашка, Ганы, Яши сменяется в романе сатирическим описанием, порой гротесковым и едким, господ Фальцфельд и их окружения. При этом Гончар счастливо избегает художественного равновесия: поэтическое изображение типического в положительных героях и явлениях оправдано сочетанием с сатирическим презрением типического в отрицательных героях, в отрицательных явлениях. Только София Фальцфельд выпадает из ряда достойных фигур. Мы видим едкое ханжество, но ее, кинизм, разгул, тщеславие. Между тем, главное, что должно быть раскрыто в образе Софии, — колонизатор, хищница, эксплуататор. Но этого и нет. Бтому же Гончар в ряде мест передает красоту заповедной степи, очарование южной Украины через восприятие этой полуразвалившейся старухи, тем самым озаба-

образ Софии вовсе не заслуженным ею романтическим светом.

И это наносит большой ущерб роману.

Нам кажется, что случилось потому, что писатель, определяя точное место в романе для правдивости, для Приналова и Бронникова, не нашел специфических, ему одному присущих средств выражения их революционного «естества», таких средств, чтобы они не выпадали из общего поэтического строя романа, во вместе с тем несли бы особую романтическую окраску, не сходную с романтической Даньки или Мурашка, ибо коммунисты — это люди особого склада. Ни морские походы Бронникова в прошлом, ни телешапка на его груди в настоящем не могут, понятно, раскрыть «особого склада» коммуниста, ведущего подпольную работу среди заробитчан. А раз этот склад писателем творчески не освоен, не вынесен, то и средства художественного выражения не найдены. Автор оставляет образы Бронникова и Приналова недоразвитыми. Они остаются вне действия, вне читательского восприятия именно потому, что написаны сухой кистью.

Потому и батрацкая стачка, возникшая из-за «режима воли», воспринимается так, будто она возникла стихийно, да и пошла к ней, в сравнении с разоблачительным материалом романа, мелковато: ведь то были месяцы грандиозных стачек петербургского пролетариата, волнений в разных концах России, гуд которых не мог не достигать до «Аскании-Нова», тем более, что в гнезде Фальцфельдов действовали большевики. За стачкой из-за «режима воли» Гончар не дал почувствовать, что рабочий люд уже расплывал самые устои самодержавия, что пролетарский лет, и в тех самых степях, где блуждают черные бури, в Херсонщине, в Николаевщине, у Перекопа разгорались открытые классовые битвы, закинут гражданская война.

О. Гончару предстоит еще упорные творческие поиски. И его возмужшее мастерство в обращении с красноречивым словом служит порукой тому, что в свое время «Таврия» явится перед читателем не только как яркая книга с отдельными «блестящими пятнами», но как книга идейно и художественно цельная.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
№ 68 9 июня 1933

КАК ЭТО ВЫГЛЯДИТ СЕГОДНЯ!

Этот выразительный фотоснимок, ярко иллюстрирующий режим полицейской дубинки, установленный в Западной Германии, был опубликован в немецком демократическом журнале «Неде берлинер иллюстрирте». На фотографии изображена сцена жестокой расправы с мирными демонстрантами, учившейся западногерманской полиции.

«Вот как это выглядит сегодня! Полицейские (взгляните на их озверевшие физиономии!) избивают дубинками немецких патриотов, протестующих против милитаристской политики Аденауэра», — пишет журнал.

Зверские физиономии аденауэровских молодчиков действительно заслуживают того, чтобы на них внимательно взглянули. Журнал увеличил лица четырех полицейских, участвовавших в расправе, и поместил эти фото отдельно, в овалы. Внизу слева — фельдфебель, командующий избиением демонстрантов; остальные трое — полицейские, действующие дубинками. Эти четыре озверевших лица — портрет возрождающегося в Западной Германии фашизма!

ВОКРУГ ВСЕМИРНОГО КОНГРЕССА ЖЕНЩИН

Письма из Италии

В эти дни в Копенгагене, где происходит Всемирный конгресс женщин, собравшихся из разных стран, женщины большинства стран земного шара. Одна за другой поднимаются на трибуну конгресса делегатки капиталистических государств и их колоний, чтобы рассказать о нагнетании и повседневных работах женщин-тружениц, матерей, чтобы повлиять опытом борьбы за демократические права и мир.

Мы публикуем сегодня письма двух итальянок — домохозяйки Марии Роберто и работницы Анны Ансельмо. Эти письма были адресованы съезду итальянских женщин, происходившему в апреле текущего года. Оба эти человеческих документа выразительны свидетельствуют о том, в каких трудных условиях итальянские женщины вместе со всеми прогрессивными силами Италии отстаивают от проносов врагов мира демократические права.

НА ЗАВОДАХ «ФИАТ»

Я работница одного из заводов фирмы «Фиат»; тридцать лет своей жизни отдала этому огромному предприятию. Я никогда не имела замечаний за недисциплинированность. И все же теперь меня всецело преследуют, часто штрафуют. Недавно меня даже судили за то, что я выступала за участие женщин в Комитете защиты мира!

Слово «мир» пугает предпринимателей «Фиат». Сейчас заводы «Фиат» являются центром антинародной реакции: у нас уничтожены все остатки демократических свобод. Члены заводских профсоюзных комитетов не имеют права вступать в переговоры с предпринимателями без специального разрешения. Это разрешение дается только после того, как администрация ознакомится с докладом комитета и одобрит его. Если же в докладе что-либо не понравится администрации «Фиат», членов заводского комитета могут попросту уволить, как это случилось недавно с одним рабочим завода «Гранди Мотори». Мы контролируем сами все различные способы. Учреждена даже специальная служба для наблюдения за каждым нашим движением. За мной и моими подругами следят агенты в форме и в штатском. Эти агенты должны мешать рабочим вести профсоюзную борьбу. Я уже не говорю о сверхэксплуатации, осуществляемой ежедневно в различных формах. Мы

• В эти доклады заводские комитеты включаются свои требования и предложения к администрации. — Ред.

вынуждены производить операции с невероятной быстротой, особенно на конвейере. Это приводит к увеличению числа несчастных случаев. За два с половиной года зарегистрировано 56 489 несчастных случаев, из которых 214 повлекли за собой смерть.

Но женщины Турин обязуются сделать все возможное, чтобы противодействовать притеснениям. Очень хорошо сказали жены рабочих на конгрессе женщин Турин. «Мы всегда будем бороться вместе с вами».

Анна Ансельмо, работница

ТУРИН

В НАШЕМ НЕАПОЛЕ...

Я простая женщина, домохозяйка, мать четверых детей, оставшаяся вдовой. Я знаю, какова жизнь в доме, где нет отца, нет работы и всегда кто-нибудь болен. В нашем Неаполе безработица — всеобщее бедствие. Почти этого бедствия лежит на лицах матерей, отправляющихся по утрам на рынок за продуктами. В уме мы подсчитываем сумму, которой мы располагаем, и каждый раз убеждаемся, что денег не хватает. Мы знаем, что такое нищета, когда утром нет кусочка хлеба для детей.

Среди нас есть жены безработных, которые хотели бы послать детей в школу. Но они не могут этого сделать, потому что, если бы школа была бесплатной, у них нет денег на покупку тетрадей.

Мы видим по утрам женщин, которые накладывают своих детей только за то, что они просят 5 лир «на конфеты». Но тяжелее всего, когда дети забывают: у нас в Италии нет таких организаций, которые бы помогали беднякам. Мы должны бороться для того, чтобы покончить с этим.

Сегодня женщины Неаполя уже не те, что были вчера; они борются за свое будущее, они научились вести борьбу, невзирая на какие опасности. Так в борьбе против увольнения на «Ансальдо» мы, женщины, были рядом с мужьями, помогали им защищать свое право на хлеб.

Мы, женщины, проявляли свою сплоченность в борьбе против мошеннического избирательного закона. Теперь мы должны быть еще сплоченнее. Мы должны обойти все дома, всех женщин, чтобы наши ряды росли с каждым днем.

Мария ди РОБЕРТО, домашняя хозяйка

НЕАПОЛЬ

КОММЕНТАРИИ ИЗЛИШНИ!

Японская газета «Ниппон таймс» в № 1423 за этот год поместила заметку под заголовком: «Продавцам земляных орехов нужна новая безбумажная упаковка в связи с прекращением издания информационного бюллетеня США».

Ниппон Таймс

Peanut Sellers Need New Wrappers as U.S. Info. Bulletin Folds

Kyodo-UP JAKARTA, Mar. 17.—The United States Information Agency decision to discontinue the Daily News Bulletin in Indonesia has been given approval by the country's newspapers today. Only one newspaper in Indonesia noted the final publication of the bulletin this week following the local American Government official decision to cease publishing the daily newsheet. The Jakarta Daily Indonesia Raya observed briefly, "Peanut sellers will be compelled to look for other paper to wrap their

Приводим текст заметки: «Агентство Киодо — Юнайтед Пресс».

ДЖАКАРТА. 17 марта. — Решение информационного агентства США прекратить выпуск ежедневного информационного бюллетеня для Индонезии было встречено сегодня явным молчаливым одобрением со стороны местных газет. Только одна газета в Индонезии отметила выход последнего номера информационного бюллетеня США на этой неделе, после того как местные представители американского правительства приняли решение о прекращении этого издания. Газета «Джакарта дейли Индонезия райа» коротко заметила: «Продавцам земляных орехов придется поискать другую оберточную бумагу для своих орехов».

Комментарии излишни!

Мария ПУЙМАНОВА

Вдохновение

Чехословацкая общественность в эти дни отмечает шестидесятилетие со дня рождения выдающейся писательницы Марии Пуймановой. Книжки Марии Пуймановой хорошо знают и любят не только читатели Чехословакии — ее произведения «Люди на перепутьи» и «Игра с огнем», представляющие собой прекрасные образцы трилогии, широко популярны в Советском Союзе. Недавно в Чехословакии вышла третья часть трилогии «Жизнь против смерти», за которую Мария Пуйманова удостоена Государственной премии.

Мы публикуем ниже с незначительными сокращениями рассказ писательницы о своей работе над романом «Жизнь против смерти».

Роман «Жизнь против смерти» я писала с любовью и вдохновением. В прежние времена, когда писатель брал для своего произведения вымышленный сюжет и не представлял себе, что произойдет в конце концов, его личным делом.

Но в основу моей книги положены исторические события: период кажущегося сейчас невероятным «протектората»; тайное и открытое сопротивление всего народа оккупантам; огромная моральная роль коммунистической партии в этой борьбе; победоносная борьба Чехословацкого Союза, этой страны жизни, против нацистской смерти, и невыразимое счастье свободы, которую принес нам приход Советской Армии. Все это — не только мои личные воспоминания, все это хранится в памяти всего нашего народа, принадлежит всем. И я чувствовала, что обращаться с этими воспоминаниями нужно бережно, как со святыней.

Три книги постоянно сопровождали меня в работе над «Жизнью против смерти». Это «Десять лет» Клемента Готвальда, книга Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза» и «Репортаж с петлей на шее» Фучика. Моральная сила, которая скрыта в них, пронизывает и действие моего романа.

Полное вдохновение мне дало пребывание в Советском Союзе осенью 1948 года. После работы над романом «Игра с огнем» мне было необходимо познакомиться с атмосферой революционной страны и осмотреть поля сражений, где блистал Андрей Урган из «Людей на перепутьи». Советские писатели знали об этом: они помогли мне, пригласив к себе, в дали мне таким образом возможность написать «Жизнь против смерти».

Это было вдохновляющее путешествие, которое нельзя забыть, — особенно тому, кто видел Советский Союз в последний раз до этого в тридцать втором году, в дни первой пятiletки.

Как выросла Москва за это время, как похорошела, несмотря на все военные невзгоды!

Моя труппа Киев с разбитым Брестским и разрушенным Киевом-Печерской лаврой, самым старшим памятником славянства. Окрестности Киева, где сражались также и войны чехословацкого корпуса, места, где они переправлялись через Днепр и укрепились в лесу, произвели на меня особенно сильное впечатление в дождливый осенний день. В этой поездке по местам быв под Киевом нас сопровождал адъютант генерала Ватутина. Он рассказывал и объяснял мне все, как знающий подробностей специалист, с сердечной человеческой добротой, которую мы видели еще у освободителей Праги.

Я не забуду волшебный полет над Кавказом — с одной стороны море, с другой — горы, не забуду Тбилиси и Гори, где мы жили по сталинским местам. Незабываемое впечатление оставил богемский сад на Зеленом поле у Черного моря, под Ватутину. Грузия меня очаровала; я пыталась воплотить ее красоту и ее советский патриотизм в образе девушки Кет, любимой Ойды.

Перед тем как начать писать, я много расспрашивала и внимательно слушала. Врач Зденка Нелзлова, Густа Фучика и Елена Дефлерова, молодая женщина из Лилли, ныне депутат Национального собрания, рассказывали мне о концлагерном лагере в Гавенсборке. Это было нелегко для них, они приносили жертву, касаясь едва заживших ран. В их рассказах я находила будущие эпизоды романа, с близкими действительности, обаянными деталями, полными чувства. Дефлерова упоминала, что в

Привратник

р а я
НОВЕЛЛА НА ТЕМУ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ

До с топотенной паре из прихода сарай альянской переушки славился своей воинственностью по всей этой чудесной долине, ведущей во Францию. Но в это воскресное утро, когда солнце уже щедро позвало своими лучами землю, а воздух еще был свеж, он превзошел самого себя: вместо обычных десяти минут он говорил свыше часа. И все для того, чтобы помешать мне «уступить» перед жителями на митинге. Дело было в самый разгар избирательной кампании.

Наконец, благословив своих терпеливых слушателей и пожелав им не задерживаться и не вникать в подробности Москвы коммунистического зратора, врага семьи, родины и религии, красноречивый падре сошел с кафедр, приподняв пальцы из церкви на залитую солнцем площадь. Было уже около полудня, и воинственный служитель господства бога полагал, что горы вняв скорее голосу желудка, чем его наставлениям, откажутся выслушивать меня.

Но вышло иначе: ни один человек не ушел. Я начал свою речь, стараясь говорить кратко и просто. И примерно за полчаса сказал все, что хотел. Тут же попросил слова падре и слово в слово начал повторять то, что все уже слышали в церкви. (Я, сидя на солнышке, слышал всю его проповедь, так как дверь церкви была открыта.) Он вновь принялся утешать народ нелепыми выдумками о России, о Китае, о Тольяте и Конконе, умолял, дойдя как раз до полудня, в Италии, с чего, казалось бы, ему и следовало начать свою речь.

Было ясно, что оратор хочет утомить аудиторию и помешать мне возражать. Неожиданно и прервал его.

— Достопочтенный отец, — сказал я, — вы знаете так много, но дерзну пари, что вы не знаете, кто был привратником рая до святого Петра.

— При чем тут привратник рая?

— Вы сами вот уже больше часа говорите о вещах, не имеющих ни малейшей связи с выборами, кризисом, нищетой, безработицей, подготовкой войны, засильем чужеземцев в Италии. Итак, признайтесь же перед публикой, что вы не знаете, кто был привратником рая...

— Это не относится к делу! — повторил падре.

— Вы не знаете, признайтесь прямо... Смотрите, — обратился я к публике, — он не знает.

Прихожане смеялись, видя, как растерялся их священник. Наконец, совсем выйдя из себя, он закричал:

— Я отказываюсь отвечать, потому...

— Потому что не знает...

Раздался взрыв хохота. Под смех аудитория падре спустился с трибуны, роль которой исполнил стол.

Так оказались развешены все глупости и небылицы, которые наговорил пол. Сам он скрылся в церкви. Было уже больше двух часов (в Италии обедают в полдень), когда я, несколько раз тшето попытаться вновь пригласить священника принять участие в дискуссии, наконец закрыл митинг. На гореве произвел сильное впечатление то, что их падре не сумел ответить коммунисту на вопрос из области религии. Они обсуждали этот факт в выражениях, не слишком лестных для священника.

— А кто же действительно был привратником рая до святого Петра?

— спросил меня один из жителей деревни.

— Я не знаю, — отвечал я, — но священник должен был это знать...

— Правильно! — подтвердил горец.

Джованни Джерманетто

Рис. Бор. Ефимова

ГДЕ-ТО ВО ВЬЕТНАМЕ...

Джозеф СТАРОБИН

2. Школа в лесу

Сегодня мы публикуем очерки корреспондента американской газеты «Дейли уоркер» Джозефа Старобина «Школа в лесу» из серии очерков, написанных им где-то во Вьетнаме.

Пани, познакомились с метолом критики и самокритики. И инструкторы и остальные слушатели относились к ним очень тепло — ведь эти люди представляли ту часть народа, которая обладала знаниями. Они так нужны сейчас и будут так необходимы завтра, в период реконструкции страны. На протяжении долгого вечера десять человек из них, собравшись за столом, рассказывали мне о себе и расспрашивали о жизни в Америке. Говорили они свободно и откровенно. И если я не записал все до единого слова, то лишь потому, что то и дело отрывался от своих записей. Я был поражен тем, что мне привелось услышать.

Первой являла слово очень хрупкая, печальная женщина с темными-черными косами, по имени Тон Тхи Кун. Она рассказывала:

— Я происхожу из королевского рода. Мой отец во время японской оккупации занимал должность советника. Мой муж в 1943 году был врачом в Ханое и его послали в Токио изучать бактериологию. Некоторое время он оставался там и после войны — работал в лаборатории, которой занимались американцы. В 1949 году, вернувшись домой, он извлял желание заняться изготовлением пеницилина в стрептомицина, используя наши отечественные ма-

териалы. Французские власти пообещали ему хорошее место в Ханое, но он убедился, что с ними работать невозможно. Так он пришел в ряды народно-освободительного движения. Я последовала за ним с тремя детьми. (Позже я узнала, что весь путь от Ханоя — 800 километров — эта женщина прошла пешком). Здесь, во Вьет Баксе, мы с мужем изучаем грибовые питательные и разрабатываем сейчас средства защиты от бактериологического оружия. Мне 36 лет. Как вьетнамская мать, я прошу вас рассказать матерям Америки обо всем, что вы здесь видели, чтобы на нас не сбрасывали микробов, не губили наши посевы и не убивали наших детей.

Пугуну Дук Бай 48 лет, когда-то он был типичным колониальным управленцем. Он тоже бактериолог, но работал в Париже.

Теоретическое образование я получил прекрасное, но практически был совершенно не подготовлен к решению тех проблем, которые встали перед нами после 1946 года. Французы обучали меня одному, а жизни выучила другому. У нас, например, не хватало медикаментов — французские окружили нас колом блокаде. Нам, врачам Вьетнама, пришлось самим выработать их. Для борьбы с оспой потребовалась вакцина — мы ее получили. За эту работу меня отметили правительственной награды. Я также участвовал в работах по получению ценного пенитола из плолов палий (дынного дерева). Наши лаборатории? Они тут же, в лесу. С очень скудным оборудованием мы все же добиваемся хороших результатов. После курса японской оккупации у нас не было эндемий. И раннее своих мы вывеливаем... Интересно, знают ли об этом врачи во Франции?

Потом выступил человек лет 33, не больше. Говорил он очень взволнованно и быстро. Зовут его Ву Тронг Канх, он работал юристом в Ханое; позже рассказывал мне, что в 1946 году он был юридическим советником делегации Хо Ши Мина в Фонтенбло.

— Я очень гордился своей профессией юриста, — начал он. — Но понадобилось

шесть лет борьбы в рядах Сопротивления, чтобы я понял истинное значение права. Теперь я понял, что такую проблему, как нищета, нельзя разрешить с помощью тюрем. Необходимо повысить уровень жизни и расширить производство, — этому я учил нас наше правительство.

Здесь, в освобожденных районах, человека, совершившего преступление, — скажем, кражу, — отдают на суд всей деревни. Относительно — вот это берется его перепосчитывать. Если преступление настолько серьезно, что заслуживает тюремного заключения, осужденный и в тюрьме должен выполнять полезную работу и повышать свой образовательный уровень.

Скажу вам откровенно, здесь, в рядах Сопротивления, я пережил глубокую внутреннюю перестройку. Я не марксист, и у нас в школе на диспуты я пытался отстаивать свои взгляды в спорах с марксистами. Это было серьезным испытанием для меня. Только здесь, в лесах, я понял истинное значение свободы слова. Выхожу, что я сам пережил перестройку. Мне пришлось пересмотреть все мои взгляды. Я сопоставил их со взглядами моих товарищей по школе, и только тогда я осознал и смысл моей работы как юриста, и подлинный смысл всей моей жизни.

Дом, в семье, мы тоже занимаемся перестройкой. Моя жена теперь считает, что она должна трудиться, чтобы самой зарабатывать. Она стала портнихой. Повторяю, я не коммунист, но здесь, в лесах, и коммунисты и не коммунисты обсуждают все вопросы, которые их волнуют, и живут в полном согласии. — Ву Тронг Канх помолчал и спросил: — А скажите, имеется ли у нас возможность рассказать обо всем этом американскому народу, чтобы помочь нам в нашей борьбе?

Следующим заговорил Луонг Хонг Хтен — агроном 34 лет, в очках, внешне напоминающий кабинетного ученого, — до этого он быстро что-то записывал.

— Я учился во французском лицее и

происхожу из семьи, в которой пять поколений были высокообразованными людьми. Они всегда жили с колонизаторами и жили, прощаясь за счет своего народа. В 1945 году я был в Сайгоне. Поведение французцев глубоко возмущало меня. Я уехал в Ханой и начал работать в министерстве сельского хозяйства Демократической республики. И как я сожалею, что потерял целых пять лет, работая до того с колонизаторами! Я изучал «теорию». Но на что мне были такие «знания»? Я изучал Менделеева, Моргана, Вейсмана. Правильную дорогу для себя нашел лишь тогда, когда вышел в поле вместе с крестьянами, вооруженными трудами Минурини, произведениями советских и китайских ученых.

В двух деревнях у нас уже добились повышения урожайности на 30—40 процентов. Но Вьет Баксе все же не хватало риса. Но начиная с 1949 года, мы вели плановое хозяйство и теперь вполне себя обеспечиваем. С голодом у нас покончено. В провинции Фу-То тысячи гектаров пашей засеваются кукурузой. Мы уже применяем сортировку семян, удобрение полей навозом и более глубокую вспашку. Несмотря на то, что многие дамы разрушены, мы, используя правильные севообороты, подняли урожайность в среднем на 10 процентов. Я убежден, что мы находимся на правильном пути и что я тружусь не только ради освобождения нашей родины, но и ради моего собственного счастья.

Затем поднял руку пожилой человек с упрямой шестой коротко подстриженных волос на голове. Это — Нгуэн Дук Хен, инженер-железнодорожник с дипломатическим стажем. Ему 48 лет, у него девять детей (он сообщил, что с гордой улыбкой). Старшей дочери 26 лет, один сын — артиллерист в Народной армии. Другой — военный врач. Правительство наградило его во Вьет Баксе за восстановление железнодорожной линии, которая соединяла Хайфон с китайским городом Юньнань. Выразился он очень кратко и точно.

В годы японской оккупации мы разрушили эту дорогу, теперь наше дело — восстановить ее. У нас ничего не было: ни машин, ни денег для мостов, даже рельсов почти не было. И в таких трудных

условиях, что и описать их невозможно, инженеры и рабочие общими усилиями все же восстанавливали всю железнодорожную линию. А ведь на ней один только мостов было не менее 120. Мои прежние знания принесли пользу только тогда, когда я стал применять их, работая с народом.

Поднялся худощавый мужчина с черными, как уголь, глазами, он улыбался, пока слушал других. — То Нюк Ван. Он единственный художник в этой группе, бывший директор отдела изящных искусств колониальной администрации Ниндо-Китай.

Здесь я возглавляю школу изящных искусств, — да, да, здесь, в лесу, у нас есть школа живописи. Будь у вас время, я показал бы вам ее. Конечно, мастерских и студий у нас очень мало. Но важно то, что своих соотечественников мы знаем куда лучше, чем прежде. Мы видим их по-новому, по-новому.

Здесь мы работаем, устраиваем выставки — и постоянные и передвижные. На последней выставке мы показали не менее сотни картин. Да, повторяю, благоустроенных студий у нас пока нет, но нас здесь 30 человек, и все мы стремимся отобразить на полотнах борьбу нашего народа. Художники Франции? Мы знаем, что большинство из них не одобряет войну, ведущуюся против нас. Нам очень хотелось бы услышать голос крупных французских художников, их выступление против этой жестокой войны...

Последним говорил Нгуэн Туан, грузный человек с выпуклым лбом, — он слушал всех остальных, плотно сжав губы. Ему свыше 40 лет, его 24-летний сын сражается в Народной армии.

Когда-то я увлекался театром, писал пьесы и рассказы. Читал книги Достоевского, который очень плохо повлиял на

• Артур Кестлер — реакционный писатель-демократ, известный тем, что в своих клеветнических романах выступает в качестве ярого проповедника злобного индивидуализма и мистицизма.

Главный редактор К. СИМОНОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48).

— Москва, Литгазета. Телефоны: секретариат — К 4-04-62, раздачи: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературная газета», Москва, Цветной бульвар, 30